

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Языковая репрезентация темпоральности в трилогии В. Аксёнова
«Московская сага»

Исполнитель Скадорво Валерия Олеговна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)
Юсупова Дильбар Джумаевна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой

(подпись)
кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)
Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«3» июня 2021 г.

Санкт-Петербург, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ.....	6
1.1. Понятие функционально-семантическое поле.....	6
1.1.1 Категория времени как центр функционально-семантического поля темпоральности.....	6
1.1.2 Классификация темпоральной лексики.....	10
1.2. Различные подходы изучения категории темпоральности в лингвистической литературе.....	13
1.3. Понятие дейксиса как языковая интерпретация соотнесенности со временем.....	16
ВЫВОДЫ.....	18
Глава II. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ТРИЛОГИИ В. АКСЁНОВА «МОСКОВСКАЯ САГА».....	20
2.1. Лексические средства выражения темпоральности в трилогии В. Аксёнова «Московская сага».....	23
2.1.1. Лексические единицы со значением предметности.....	23
2.1.2. Лексические единицы со значением качественности.....	36
2.1.3. Наречные репрезентанты со значением темпоральности.....	39
2.2. Грамматические средства выражения темпоральности в трилогии В. Аксёнова «Московская сага».....	42
ВЫВОДЫ.....	46
Заключение.....	48
Библиография.....	50

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена исследованию категории темпоральности, а также ее репрезентации в трилогии Василия Аксёнова «Московская сага». Она является фундаментальным отражением сущности современного дискурса, характеризующегося различными признаками.

В тексте Василия Аксёнова категория темпоральности выражается разными языковыми средствами. Она является важной как для языковой картины мира В. Аксёнова, так и для многих других литературных текстов различных авторов.

Интерес к изучению категории времени возник давно, поскольку это самая сложная и, одновременно с тем, очень значимая категория познания, исследуемая в разных научных направлениях – от математических до гуманитарных. Для нас куда более значимой является лингвистическая точка зрения данного вопроса, поскольку время выражается в языке, тем самым, помогая другим аспектам жизни в ее объективации.

Категория времени изучается многими лингвистами в разных областях лингвистики. Одним из первых, кто оказал весомое влияние в осмыслении времени и, в частности, темпоральности, был представитель функциональной грамматики А.В. Бондарко. Также вопросом временных отношений занимались такие исследователи языка, как Т.Я. Зуева, Е.С. Кубрякова, Г.А. Золотова и многие другие.

Тем не менее, многие стороны категории темпоральности так и остались не рассмотренными и до конца изученными.

Наследие Василия Аксёнова является объектом изучения не только многих литературоведов, но и лингвистов. **Актуальность** настоящей работы обусловлена интересом к описанию лексических и грамматических средств, служащих для выражения категории времени в трилогии В. Аксёнова

«Московская сага», а также выявлением специфики языкового воплощения категории темпоральности.

Цель исследования – рассмотреть, охарактеризовать, а также выявить наиболее часто используемые языковые средства репрезентации в трилогии В. Аксёнова «Московская сага».

Данная цель предполагает постановку следующих **задач**:

- охарактеризовать категории время и темпоральность, основываясь на исследованиях различных учёных;
- рассмотреть понятие временной дейксис, служащее для дальнейшего грамматического выражения категории темпоральности в тексте;
- выявить в трилогии языковые средства репрезентации категории темпоральности;
- проанализировать на конкретных примерах особенности авторской модели времени в тексте.

Предметом исследовательской работы являются разноуровневые средства выражения категории темпоральности в тексте В. Аксёнова «Московская сага».

Объектом служит категория темпоральности в трилогии В. Аксёнова «Московская сага».

Методы, использованные в ходе настоящей работы, включают описательный метод, функционально-семантический анализ языковых единиц, а также были использованы приёмы статистического метода с целью сопоставить количественные характеристики лексических единиц, выражающих категорию темпоральности.

Структура работы состоит из введения, основной части, включающей в себя две главы, заключение и список литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ

1.1. Понятие функционально-семантическое поле

1.1.1. Категория времени как центр функционально-семантического поля темпоральности

Категория времени — всеобщая ценность, вносящая свой вклад в организацию всех других ценностей. Изучение аксиологии времени — одна из актуальных задач современной когнитивной науки, предполагающая на начальном этапе комплексное исследование основных средств раскрытия темпоральных смыслов в языке [28].

Категории «пространство» и «время» принадлежат к фундаментальным категориям человеческого сознания. Они занимают одно из ведущих мест в модели мира, которая характеризует ту или иную культуру. В совокупности эти категории представляют своего рода сетку координат, при посредстве которых люди, принадлежащие к данной культуре, воспринимают и осознают мир и строят его образ.

«Время» — «понятие большой степени общности и абстрактности, одно из базовых понятий науки, философии и культуры» [5]. И ведь действительно, формирование образов времени или представлений о времени осуществляется в разных типах знания — мифологии, религии, философии, искусстве, естественных науках, общественных науках. Многочисленные исследования объективных процедур измерения времени в физике, анализ «биологических часов», предвосхищение и проектирование будущего, философский анализ времени — все это становится возможным только потому, что время фиксируется и выражается в языке, в его лексике и грамматическом строе.

В языковедческих исследованиях постоянно отмечается, что проблема отражения временных отношений является одной из самых сложных. Например, в классическом грамматическом языкознании, Н.С. Поспелов, характеризуя употребление настоящего и будущего времени глагола в русском

языке, писал: «различие между прямым, индикативным и непрямым, относительным употреблением форм времени в синтаксическом строе современного русского языка принадлежит к числу наименее изученных фактов грамматического строя...» [59].

Академик В.В. Виноградов характеризовал употребление глагольных времен как одну из «важнейших сторон грамматической системы русского языка» и выдвинул все связанные с этим вопросы на первое место в перечне «недостаточно обоснованных» проблем русской грамматики» [26].

В философском аспекте категория времени присуща каждому народу, соответственно, ее семантическая составляющая существует в каждом языке.

Проблемы, возникающие у исследователей при рассмотрении выражения времени в языке, связаны не только с формальной структурой языка, но в большей мере с изучением содержания и его особенностями в языках разных типов. Ученые утверждают, что различные языки не просто по-другому выражают одно и то же время, но и могут создавать разные конструкции самого времени, представляя его весьма специфично. Часто люди, которые легко говорят на одном языке, не могут и предположить, представить ту форму, в которой время отражается на другом языке. Допустим, в английском и немецком языках для выражения прошедшего времени используются специальные формы глагола (прошедшее перфектное и плюсквамперфект), а в русском языке он выражается теми же самыми формами, используемые для выражения прошедшего времени. В некоторых языках (например, в китайском) категории времени вообще отсутствует, однако это вовсе не значит, что носители языка не могут провести различие между настоящими, прошлыми или будущими событиями с помощью языковых средств.

Такие тонкие различия в языках могут быть связаны с психологическими особенностями людей разных культур, с их разным ощущением времени, однако сведений об экспериментальных данных в этой области пока нет.

Несомненно, что причина различия в форме выражения временных отношений в языках и трудностей, возникающих при переводе, объясняется сложностью самого феномена времени, его многомерной природой. Понятие времени подразумевает существование взаимосвязи между различными системами, взаимодействующими друг с другом. Для исследовательской в области когнитивной лингвистики важно раскрыть смысл концепции времени, чтобы выяснить взаимосвязь между событиями в прошлом, настоящем и будущем, то есть между тем, что есть, и тем, что она воскрешается в памяти, включая последовательность событий в проекте будущего. Конечно, это далеко не полный перечень задач, с которыми сталкиваются лингвисты при изучении грамматической структуры языка и лексики.

В гуманитарных науках категория времени чрезвычайно важно и многозначительна. Она рассматривается и в когнитивной лингвистике, и в коммуникативной. В классической грамматике под временем понимают «грамматическое время», выражаемое личными и неличными формами глагола.

Но наибольшее внимание данной категории уделяется в функциональной грамматике, поскольку она дает теоретическую основу исследования категории темпоральности.

Важным для функциональной грамматики является понятие функционально-семантическое поле (ФСП). ФСП по Бондарко - это «группировка, которая базируется на определенной семантической категории грамматических и лексических единиц, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [12, с. 7].

Поле темпоральности служит прекрасным образцом ФСП, которое имеет своеобразную структуру. В целом, категория темпоральности в функциональной грамматике является более широкой, чем категория времени, так как включает в себя и лексические, и грамматические средства выражения временных отношений.

Исследователи данного направления в лингвистике считают, что под темпоральностью понимается «семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени и ее элементов по отношению к моменту речи говорящего» [17, с. 4].

Таким образом, темпоральность является категорией, которая выражает отнесённость высказывания или текста к некому временному плану, то есть служит для временной локализации событий по отношению к факту сообщения - речевому действию.

Однако стоит помнить, что понятие функционально-семантического поля, хоть и неразрывно связано с вопросом о построении функциональной грамматики, тем не менее, его нельзя признать достаточным.

Возвращаясь к самому термину «темпоральность», следует знать, что так или иначе он восходит к понятию «время» и используется во многих гуманитарных направлениях.

Важным вопросом является соотношение категории пространства и времени во многих лингвистических (и не только) аспектах. Например, многие исследователи утверждают, что почти все первобытные языки настолько же бедны средствами для выражения временных отношений, насколько они богаты в выражении пространственных отношений. Представление о времени первоначально осмыслялось в связи с конкретными событиями и процессами, качественно разнородными, дифференцированными. В связи с исследованием событий прошлого, настоящего, будущего в языке начинает развиваться спряжение и виды (совершенный и несовершенный). Многие языковеды считают, что в индоевропейских языках в период, предшествующий появлению таких древних памятников письменности, как «Илиада», «Авеста», «Веды» и т. п., существовала развитая категория грамматического вида, но еще не было достаточно оформленной категории времени глагола. «Понятие времени с его подразделениями: «прошедшего», «настоящего», «будущего» как высокое отвлечение, есть относительно позднее явление истории мысли» [15].

Это приводит к тому, что в лингвистических исследованиях на равных основаниях существуют два главенствующих мнения:

1) пространственные отношения были выделены раньше, чем временные;

2) долгое время пространственные и временные отношения находились в неразрывной связи, при этом пространственные черты дополнялись временными особенностями ровно до того момента, пока последние не выделились и не приобрели независимость.

По мнению ряда лингвистов, понятие времени является более сложным и отвлеченным; поэтому аналогия с пространственными отношениями используется для преодоления некоторых трудностей, вызванных абстрактной природой временных отношений.

Таким образом, рассмотрение категории времени в его языковой интерпретации осуществляется в современной лингвистике, с одной стороны, во взаимодополняющих языковых парадигмах, в анализе временных лексем как элементов языковой картины мира, а с другой — при анализе системы категорий, которые соотносятся с различными аспектами идеи времени.

1.1.2 Классификация темпоральной лексики

Принято начинать описание лингвистических фактов с их классификации, так как это необходимый этап научного познания, позволяющий логически подать материал.

Временная семантика в отечественной лингвистике представлена весьма широко за счет разноуровневых единиц: она осуществляется грамматическими, лексическими и функционально-стилистическими средствами, образующими целостную систему языковой темпоральности.

Категории «периода времени» чрезвычайно многочисленны и присутствуют в языке как сложная система с многообразными связями.

Очевидно, что временная категория существует во всех языках мира, правда, выражается в каждом языке по-особенному. Связано это,

непосредственно, с существованием различных языковых картин мира в той или иной культуре.

Итак, как мы выяснили, категория темпоральности охватывает все уровни языковой системы и представляет единство грамматических и лексических средств выражения времени, или функционально-семантическое поле темпоральности [13, с. 240]. Данный вопрос важен и интересен, если рассматривать темпоральность как жанрообразующую категорию. В связи с этим мы можем говорить о конституентах функционально-семантического поля темпоральности, роль которых заключается в том, что они участвуют в создании связности элементов текста, являются средством членения текста на структурно-смысловые блоки, указывают на завершенность фрагмента или всего текста, передают темпоральную часть общей информативности текста.

Изучая средства выражения временных отношений в художественных и научных текстах, рассматривая при этом категорию темпоральности, стоит обратить внимание на описание морфологических и лексических средств выражения времени. Обращаясь к художественным или публицистическим текстам, важно увидеть, что в них нет четкой дифференциации использования темпоральных средств в текстах различных стилей. В таком случае, можно лишь говорить об общей картине функционирования средств выражения времени в языке. Что же касается текстов научного стиля, то для них характерна незначительная полисемия временных форм, а также преимущественное использование точных и незначительное использование приблизительных лексических темпоральных идентификаторов.

Общетиповая сема «время» позволяет из множества лексем выделить единицы с темпоральным значением, поддающиеся, в свою очередь, дальнейшей группировке в лексико-семантические подгруппы. Наряду с общим типовым значением, лексические формы темпоральности имеют дифференциальные семы в своей семантической структуре. Дифференциальные семы позволяют детализировать значение указанной

лексико-семантической группы. Так, например, исследуемая группа лексем членится на следующие подгруппы:

1. Лексемы, заключающие в себе сему «эпоха». К этой подгруппе были отнесены, например, лексемы «век», «столетие», «дореволюционный», «гетманство» и т.д., а также лексемы с пометкой «устар.» или «в старину».

2. Лексемы, заключающие в себе сему «время года», например: зима - самое холодное время года, следующее за осенью и предшествующее весне; осень- время года, следующее за летом и предшествующее зиме; весенний, летний; названия месяцев: январь, март и др.; сезон- одно из времен года, характеризующееся какими-н. климатическими признаками; межсезонье промежуток между двумя сезонами и т.д.

3. Лексемы, заключающие в себе сему «время суток», например: утро- часть суток, сменяющая ночь и переходящая в день, начало дня; ночью - в ночное время; вечерний; сутки – промежуток времени от одной полуночи до другой; круглосуточный – длящийся круглые сутки и т.д.

Еще одним важным моментом, который обеспечивает связь темпоральной лексики с остальными лексико-семантическими классами, является словообразовательный фактор. Например, у прилагательных есть ряд приставок, имеющих временное значение. К ним можно отнести приставки до-, после-, пред- и др.

Приставка до- указывает на предшествующее время по отношению к известному событию, периоду времени [53], например: дооктябрьский, довоенный, дошкольный, дофеодальный.

Приставка после- является антонимичной к приставке до- и указывает, соответственно, на последующее после известного события, периода время, например: послереволюционный, послевоенный, послезавтрашний и т.д. Приставка пред- является синонимичной к приставке до-, но отличается тем, что указывает на время, непосредственно предшествующее какому-либо событию, например: предвоенный, предреволюционный.

Наряду с эксплицитно выраженным значением времени были зафиксированы и такие лексические формы темпоральности, которые имеют имплицитную сему «время». Например, рассмотрим ряд лексем: девочка, мальчик, девушка, юноша, мужчина, женщина, старик, старуха. Они употребляются, прежде всего, для обозначения человека в разные периоды его жизни, и поэтому включить их в лексико-семантическую группу с эксплицитным обозначением времени нельзя. Но если представить их сигнификативные значения в виде цепочки сем, можно увидеть, что временная сема здесь все же имеет место, хотя и не является опорной: мальчик: человек-мужской пол- очень молодой; девочка: человек-женский пол- очень молодая; девушка: человек- женский пол- молодая, старше девочки; юноша: человек-мужской пол- молодой, старше мальчика; женщина: человек- женский пол- старше девушки; мужчина: человек- мужск. пол-старше юноши; старуха: человек-женск. пол- старая; старик: человек- мужск.пол- старый.

Как видно из примеров, временная сема является тем компонентом, который связывает лексико - семантическую группу темпоральной лексики с классом антропоцентрических лексем.

Таким образом, лексико - семантическая группа с инвариантом «время» является довольно многочисленной, поэтому она поддается дальнейшей дифференциации, что позволяет различить семантические оттенки, связанные с общим типовым значением.

1.2. Различные подходы изучения категории темпоральности в лингвистической литературе

Вопросы, относящиеся к категории темпоральности и времени, рассматривались и рассматриваются представителями разных направлений в языкознании. Это и когнитивная лингвистика, и затронутая нами ранее функциональная грамматика, и коммуникативный аспект изучения языка.

В области функциональной грамматики, например, исследованием вопросов временных отношений, в первую очередь, занимался А.В. Бондарко.

Также немаловажный вклад внесла З.Я. Тураева. Темпоральность, в понимании ученых функциональной грамматики определялась, как «сеть отношений, связывающая языковые элементы, включающиеся в передачу временных отношений и объединенные функциональной и семантической общностью» [67].

Суть подхода в этой области заключается в том, что время составляет содержательную сторону языка, при этом присутствуя на всех уровнях языкового пространства, а значит, «временные отношения между действиями, описываемые категорией темпоральности, воспринимаются с помощью грамматических и лексических средств репрезентации времени» [16].

Особый подход к проблеме языковой концептуализации времени рассматривается когнитивной лингвистикой.

Ранее было сказано, что познание и восприятие времени должным образом закодировано с помощью языка, что объясняет разность понимания временных отношений в разных культурах по-своему.

В рамках когнитивного направления в лингвистике рассматривается проблема языковой концептуализации времени. Познание времени, его восприятие человеком определенным образом закодировано с помощью языка, а следовательно, «исследование языковых темпоральных структур позволяет объективировать ментальные формы и постичь концептуализацию мира человеческим сознанием и психикой» [48]. Таким образом, мы видим, что представительница данного лингвистического направления Е.С. Кубрякова говорит не только лишь об отражении ментальных форм языка, в отличие от других исследователей, а об объективации времени в области языка.

Язык имеет определенный набор средств разных уровней с той целью, что обозначить его различные темпоральные аспекты действительности. Каждая когнитивная модель времени соотносится с определенной языковой моделью времени.

Следующее направление, для которого категория темпоральности имеет особую значимость, это коммуникативная грамматика.

В.В. Востоков устанавливал несколько типов отношений в темпоральности, устанавливаемых говорящим.

Он выделил коммуникативное время, когнитивное и эмотивное время. Каждое из этих типов обладает рядом своих особенностей. Коммуникативное время выражает отношение сообщаемого к моменту речи; когнитивное, которое показывает закрепленный в сознании человека период движения времени; и эмотивное время, выражающее темпоральную оценку или, иными словами, реакцию говорящего на темпоральное содержание сообщаемого. [31]. Все три аспекта, несмотря на разность между собой, дополняют друг друга и составляют категорию темпоральности в коммуникативной лингвистике.

Интересным разделом языкознания (хотя и не исследованным до конца), а именно в области семантики, является синтаксическая семантика, представителями которой являются Г.А. Золотова, В.В. Богданов и ряд других ученых. Разумеется, в данном направлении семантика изучается в другом русле, нежели лексическая семантика. Объектом исследования является высказывание, или сообщение, а за основу функционально – синтаксических единиц взяты синтаксико – семантические признаки.

Перейдем к рассмотрению темпоральности в данном подходе. Очевидно, что изучение этой категории сводится к исследованию темпоральных синтаксем и темпоральных лексем, благодаря которым выражаются темпоральные синтаксемы.

Темпоральные синтаксемы, в свою очередь, группируются по особым признакам [55, с. 25]:

- а) квалификативный класс синтаксем (выражены именами прилагательными);
- б) субстанциальный класс синтаксем (выражены именами существительными);
- в) процессуальный класс синтаксем (выражены глаголами).

Мы видим, что в области синтаксической семантики исследователи пытаются соединить семантические классификации с частеречными. Именно семантическая составляющая отличает данную область изучения языка от классической грамматики.

Помимо этого, есть еще одна особенность, которая отделяет функциональный синтаксис от традиционного: каждая часть речи, кроме основного категориального значения, может выражать и другие, несвойственные им категориальные значения.

Итак, мы привели лишь некоторые примеры различных подходов рассмотрения категории темпоральности и времени в лингвистике. Все они изучают вопрос временных отношений по-особенному, отталкиваясь от специфики того или иного направления.

Несмотря на то, что область изучения темпоральности в лингвистике обширна, данная проблема так и остается не до конца изученной, поскольку представители разных областей языкознания в конечном счете не смогли на данный момент выявить связь между языковым и логико – мыслительным пониманием времени. Также мы видим, что ученые рассматривают категорию темпоральности лишь в аспекте языка, без учета речевых особенностей.

1.3. Понятие дейксиса как языковая интерпретация соотнесенности со временем

Категория времени строит события в хронологическом порядке по их отношению к моменту речи как настоящее, прошедшее и будущее. Другими словами, данная категория отражает объективное время, служа темпоральной локализации событий по отношению к речевому действию. Тем самым локализация событий на оси времени содержит дейктический компонент, соотносящий время и пространство события с временной и пространственной локализацией говорящего. « Дейксис – указание на

компоненты ситуации с помощью лексических или грамматических средств, служащее для актуализации содержания высказывания» [76].

В отечественной лингвистике термином «дейксис» как правило обозначают функцию указательных и личных местоимений, некоторых наречий, грамматического времени и иных грамматических признаков и лексических единиц, соотносящих высказывание с местом и временем акта его произнесения.

В БСЭ Языкознание мы находим следующее определение дейксиса: «Дейксис (греч. *deixis* – указание) – указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами» [75].

По мнению В.А. Виноградова, «дейксис может быть ориентирован на внутреннюю организацию текста, то есть реализуется в «контекстуальном поле указания» [25].

По мнению Плунгяна, временной дейксис – ориентация времени ситуации относительно времени момента речи. В связи с тем, что время в естественных языках обычно мыслится линейно, то есть как вектор (направленный из прошлого в будущее), временная ориентация ситуации сводится к указанию относительной хронологии двух ситуаций [59].

Как отмечает А.В. Бондарко, персональная и темпоральная отнесенность – это во многом разные типы дейксиса [13]. Темпоральный дейксис основан на такой ориентации по отношению к исходной точке отсчета (прежде всего к моменту речи говорящего), которая предполагает возможность измерения временных отрезков в их отстоянии от дейктического центра. Что же касается персонального дейксиса, то он предполагает определенные типы (константы) персональной ориентации, являющиеся и категориальными значениями лица (1-е, 2-е, 3-е лицо, совместное 1-е и 2-е лицо, неопределенноличность, обобщенно-личность), но не предполагает возможности измерения. Возможно, измерение времени, но невозможно измерение лица.

Когда говорят о дейксисе в русском языке, упоминают следующие классические дейктические слова: здесь – там, сейчас – тогда, этот – тот, вот – вон, я – ты, а также монографии и аналитические обзоры по дейксису. [58] Здесь же следует учесть и их многочисленные семантические производные: сюда – туда, отсюда – оттуда, сегодня – вчера – завтра, текущий – прошлый – следующий, а также производные второй степени позавчера, послезавтра, позапрошлый и т.п.

В.Н. Ярцева отмечает, что носителями дейктической функции могут быть лексические единицы и грамматические категории. Так, у предлогов и указательных местоимений дейктическое значение – это их лексическое (словарное) значение. Из грамматических категорий дейктический характер присущ, например, глагольным категориям времени, таксиса и лица (ролевой дейксис: личные формы глагола); к дейктическим категориям относится и так называемая категория вежливости (указание на социальный статус участников речевого акта...) [76].

Во всех случаях дейксис ориентирован на внеязыковую действительность, отражаемую в содержании высказывания, то есть реализуется в «вещественном поле указания» и представляет собой собственно дейксис. Этот вид дейксиса (прагматический дейксис) соотносится с содержательной структурой предложения. Кроме того, дейксис может быть ориентирован на внутреннюю организацию текста, то есть реализуется в «контекстуальном поле указания», обеспечивая семантическую связность дискурса; этот вид дейксиса (синтагматический дейксис) в отличие от собственно дейксиса называют анафорой. Промежуточная разновидность дейксиса наблюдается у некоторых грамматических категорий, например, род, именные классы, в которых сфера указания ограничена системой самого языка и соотносится с формальной структурой предложения.

Выводы

Таким образом, время является фундаментальной категорией человеческого сознания. Благодаря тому, что время фиксируется и выражается в языке, возможны многочисленные исследования объективных процедур измерения времени в математических и естественно – научных направлениях.

В гуманитарных науках категория времени рассматривается и в области когнитивной лингвистики, и в области коммуникативной, однако наибольшее внимание данной категории уделяется в функциональной грамматике, поскольку она дает теоретическую основу исследования категории темпоральности.

В центре функционально-семантического поля темпоральности лежит категория времени.

Категория темпоральности шире категории времени, так как включает в себя и лексико – семантические, и грамматические средства репрезентации временных отношений.

Если рассматривать темпоральность как жанрообразующую категорию, то речь пойдет о конституентах функционально-семантического поля темпоральности, роль которых велика.

Сущность категории темпоральности и времени остается актуальной по сей день. Несмотря на то, что данная проблема была затронута в разных областях лингвистики, до конца вопрос временных отношений так и не был изучен.

Помимо этого, в главе было дано понятие дейксиса, которое имеет разные виды. Однако в ходе нашей работы дейктический компонент важен как соотносящий время и пространство события с временной и пространственной локализацией говорящего.

ГЛАВА II. Языковая репрезентация темпоральности в трилогии В. Аксёнова «Московская сага»

Василий Павлович Аксёнов – выдающийся советский и российский писатель-шестидесятник, автор знаменитых произведений «молодежной прозы», романов «Ожог», «Остров Крым» и т.д. Для творческого пути писателя-диссидента характерна концепция времени и истории как таковой. Особенно ярко мы можем проследить это в известной трилогии «Московская сага», где художественное время тесно переплетено с историческим, грань между правдой и вымыслом становится едва ощутимой, а каждый читатель по-своему чувствует и воспринимает происходящее в романе.

Категория времени формируется путем различных языковых средств в художественном произведении и соотносится как с реальным временем, так и с отражением представления о времени в сознании людей.

Можно с уверенностью сказать, что трилогия Василия Аксёнова «Московская сага» - вся о времени и про время.

Во второй главе мы выявляем и анализируем лексические и грамматические репрезентанты, которые служат для выражения категории темпоральности в произведении.

Само по себе понятие репрезентация является довольно обширным и многозначным. Оно применяется в разных сферах жизни. Чаще всего, мы

сталкиваемся с данным термином в социологии, культурологии, психологии и, конечно, в лингвистике (конкретно, в когнитивной лингвистике). Репрезентация считается относительно новым понятием в гуманитарных науках, поскольку активно этот термин стал применяться лишь в период 1970 – 1980 гг. Ноам Хомский, американский ученый-структуралист, сумел поставить перед исследователями языка описание языковых репрезентаций в мышлении человека как основную цель, подразумевая ментальные структуры, которые человек использует в момент осуществления речевой деятельности. Однако предположение о существовании подобных структур выдвигалось намного ранее.

В отечественной лингвистике Е.С. Кубрякова считала, что ментальная репрезентация - «ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления <...> мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах» [48].

Категория времени является антропоцентричной, так как развивается с помощью сложных внутренних мыслительных процессов, соотношения объективного времени с внутренним осмыслением, преобразованием человеком получаемой извне информации. Как утверждает Н.Д. Арутюнова, «фактор времени играет важнейшую роль в создании модели человека, а фактор человека - в моделировании времени» [1, с. 52].

Так как изучение времени является одной из наиболее актуальных тем в различных науках, включая философию и социологию, в современной лингвистике мы также не можем обойти ее стороной. В контексте нашей работы следует сказать, что многие исследователи языка выделяют языковую категорию времени как текстообразующую. Например, И.Р. Гальперин рассматривает данное понятие как «единство континуума, ретроспекции и проспекции» [32, с. 106], а представитель функциональной

грамматики А.В. Бондарко отмечает «комплекс семантических категорий, отражающих различные аспекты понятия времени, включающие в себя категории темпоральности, аспектуальности, временной локализованности и временного порядка» [17 с. 29]. Специалист в области психолингвистики, языкового сознания и этнокультурной специфики Е.В. Тарасов уверен, что «темпоральность есть категория более высокого ранга, которая подчиняет себе грамматическое время как одну из используемых в естественном языке стратегий для отражения времени языковыми средствами» [66, с. 36].

Актуальность данной проблемы в русле языкознания неумолима. Она обратила на себя внимание в изучении художественного текста с лингвистической точки зрения, поскольку категория темпоральности, служащая центром функционально-семантического поля времени, есть необходимая составляющая текста. И это вполне понятно, поскольку каждый писатель или поэт стремится показать читателям через поток жизненных обстоятельств, описываемых в произведении, основную идею, замысел. Зачастую это удается с помощью временных характеристик, например, изменения хода времени, расширения временных границ и т.д.

Трудность языкового времени напрямую связана с вопросом о художественном времени, которое представляет собой модель лингвистических проявлений времени в тексте. Текстовое художественное время представляет собой модель вымышленного мира автора и опирается на систему языковых средств. К слову, понятие «художественное время» ввел отечественный ученый, историк культуры и просто выдающийся литературовед Д.С. Лихачёв. А первым российским исследователем в области лингвистики, изучавший связь реального и художественного времени в текстах, стал А.А. Потебня.

Совершенно очевидно, что каждое художественное произведение имеет то самое, индивидуальное и ни на что не похожее, функционально-семантическое поле темпоральности, лексические и грамматические

средства которого по-особенному осуществляют категорию художественного времени в конкретно взятом тексте.

Как говорилось ранее, время в творчестве Василия Аксёнова является важной составляющей хронотопа, изучение которого позволяет выделить ряд особенностей временной организации произведений писателя.

Данная глава посвящена выявлению этих особенностей путем лексических и грамматических средств языковой репрезентации темпоральности.

2.1. Лексические средства выражения темпоральности в трилогии В. Аксёнова «Московская сага»

2.1.1. Лексические единицы со значением предметности

В тексте художественного произведения большое значение имеют единицы лексического уровня, выражающие категорию времени и позволяющие выявить содержательную составляющую произведений писателей и поэтов. Чаще всего, они выражены частями речи, имеющими значение предметности, качественности, а также наречиями.

Общей функцией данных частей речи можно назвать указание на время действий тех событий, которые освещены в ходе повествования.

Вернемся, однако, к общей классификации времени. Учеными принято выделять время циклическое (« время как последовательность однотипных событий») и линейное (« время как однонаправленное поступательное движение») [74, с. 97]. Говоря о первом, подразумевается, что время, вращаясь по кругу, восходит к природно-календарным циклам.

Линейное же время может быть понято как разомкнутый круг, расправленный в линию. Чаще всего, в понимание линейного времени включаются понятия прошлого, настоящего и будущего.

Так или иначе, оба вида могут быть представлены и наречиями, и прилагательными с темпоральным значением. Однако самую обширную семантику времени представляет класс слов с предметным значением или, иначе говоря, существительные.

В трилогии Аксёнова «Московская сага» примечательно то, что в ней представлена модель и циклического, и линейного времени. В целом, для каждого художественного произведения характерно особое употребление лексем в той или иной модели.

Анализируя темпоральную лексику в произведении Василия Аксёнова, можно выявить основные номинативные единицы, представленные в «Московской саге».

В первую очередь, речь идет о существительных, которые указывают на определенные временные отрезки (секунда, минута, час), а также календарное время (день, неделя, месяц, год, век).

В первом случае, самой употребительной лексемой в ходе повествования является «минута». Она используется 117 раз. Любопытно, что в отличие от лексемы «секунда», которая повторяется в первой части трилогии около 20 раз, а во второй – всего 5, Аксёнов использует лексему «минута» во всех частях приблизительно одинаковое количество раз.

В словаре Ожегова минута обозначает [57]:

1. Единицу времени, равную $1/60$ часа и состоящую из 60 секунд; промежуток времени такой протяжённости.

Пример: «Даю тебе пять минут!» [3; с.68].

2. Короткий промежуток времени, мгновение (разг.).

Пример: «Разоблачение предателей не затихло ни на минуту ни в прессе, ни на радио, ни в официальных заявлениях» [3, с.39].

3. Единица измерения углов и дуг, равная $1/60$ градуса (спец.).

В «Московской саге» в основном используется лексема «минута» в значении «короткий промежуток времени». По мнению Е.С. Яковлевой, «темпоральные показатели задают две принципиально разные проекции описания жизни. Час, а также мгновение, минута, миг проецируют события на внутренний мир: душевный, духовный, представляемый. В системе временных показателей именно они предназначены для описания ментального плана жизни» [73]. Важным является и то, что, например, такие лексемы, как «момент», «мгновение», «эпоха» не содержат объективной количественной информации. Они напрямую отражают внутреннее мироощущение человека, чего не скажешь о лексеме «минута», которая способна не только указать наиболее точный промежуток времени, но и имеет более субъективную семантику. Зачастую мы наблюдаем в тексте у Аксёнова лексему «минута» в моменты ответственные, наполненные некой тревогой или даже страхом, когда персонаж должен принять важное решение: «... Геройская миссия была возложена на пылкого двадцатилетнего революционера, в любую минуту не пожалевшего бы жизни за Красную республику...» [1, с. 23].

Однако нередко минута используется в составе фразеологизма «с минуты на минуту», что позволяет нам говорить о непрямом значении слова. Данное выражение подразумевает, что действие вот-вот случится. «Мэри Вахтанговна тем более заявляла, что с минуты на минуту подъедет Борис» [2, с. 29].

Более употребительными у писателя являются лексемы «миг» и «мгновение» (более 250 раз вместе). С точки зрения отечественной науки о языке, данные слова отождествляются по значению. В словарях даются идентичные значения. Везде даются указания, что и миг, и мгновение – это очень короткие промежутки времени. Однако разница между ними все-таки присутствует. Вновь обратимся к Е.С. Яковлева, которая четко разделяет данные лексемы: «Если мгновение естественно использовать

относительно чувственно переживаемого (и в этом смысле длящегося) времени, то миг предпочтителен при описании времени ниспосылаемого» [74, с. 102].

« Мгновение принадлежит субъекту переживания, а миг может принадлежать и истории, т. е. выступать как нечто внешнее по отношению к субъекту» [74, с. 102].

Вероятнее всего, отождествление лексем « мгновение» и « миг» обусловлено тем, что по своей природе они не обозначают определенную меру длительности, а лишь отражают внутреннее состояние человека: его переживания, чувства и эмоции. « На мгновение в просвистанной башке мелькнула мысль: « Зачем я это делаю? Отец может прийти в ярость» [3, с. 420]. Как видим на данном примере, лексема « мгновение» была использована в момент сомнения, появления новой мысли, противоположной изначальному суждению героя. Для прозы Василия Аксёнова в целом характерны подобны отступления, когда на « миг/ мгновение» приходит иное видение ситуации. И именно в эти моменты случается внутренний слом героев. Иными словами, лексемы « миг» и « мгновение» объясняют особо важные события, которые впоследствии меняют жизнь персонажей.

В значениях этих слов можно увидеть особый характер автора в ощущении протяженности (то есть он сам определяет качество времени).

Лексема « секунда» используется около 35 раз в трилогии, но важным является здесь то, что две другие вышеперечисленные лексемы условно приравниваются к ней, поскольку секунда – это точная единица измерения времени, в отличие от них. Таким образом, миг и мгновение репрезентуют эмотивное время, а секунда – объективное.

«Час» в тексте употребляется не так часто и обладает исключительно бытовым контекстом. Как правило, в трилогии «Московская сага» «час» используется в количественно-именных сочетаниях:

« По прошествии <...> двадцати часов поезд остановился на полустанке...» [1, с.175].

Наиболее обширную группу представляют слова, обозначающие календарное время. Для них характерно ориентация на мир внешний, включающий социально- культурные, психологические и возрастные аспекты жизни. Они служат выразителями скорее материальной составляющей, что отличает их от прошлой группы.

Самым употребительным среди них является лексема «год», использованная Аксёновым около 200 раз в художественном тексте.

Год служит одной из значимых характеристик времени, поскольку имеет обширную направленность: он связан и с естественно-природным циклом («Осенью этого года...») [2, с. 268], и им отмеряют отпущенное человеку время («... За год до ареста») [2, с. 13].

Помимо этого, годом называют «какой- то период времени» [4]. В «Московской саге» это, пожалуй, самое употребительное значение. Как правило, в данном случае лексема «год» выступает вместе с прилагательными, для которых характерно темпоральное значение. Например: «Медбрат обожал медицину, и среди его заветных книг <...>, был учебник общей хирургии профессора Б.Н. Градова, написанный в давние времена...» [2, с. 435]; «Дореволюционное время» [2, с. 169].

Небольшой частотностью употребления выделяются синонимичные лексемы «век» и «столетие». Последняя, кстати, использовалась автором менее 10 раз. Она обладает, скорее, качественным значением, нежели количественным, то есть оказывает помощь в описании внутреннего мироощущения человека: «... Казалось, столетие прошло с тех времен...». [1,

с. 116]. Мы видим, что речь идет не о точном подсчете времени, а о субъективном восприятии.

Что не скажешь о лексеме «век», которая репрезентуется как объективное время. В традиционном значении век представлен как «период в сто лет, условно исчисляемый от рождения Иисуса Христа (Рождества Христова)» [57]. Однако будет несправедливым сказать, что данная лексема служит исключительно как мера счета времени. Век передает дух определенной эпохи, помогает лучше понять ту историческую действительность, которая описана в художественном тексте.

Анализируя лексему «век», нетрудно обратить внимание, что Василий Аксёнов делал большой акцент на упоминании достижений двадцатого века, раскрывая его суть как время передовых технологий, где особенностями времени выступают научно-технические, медицинские открытия. Особенно ярко это можно наблюдать при прочтении второй части трилогии, где основные события разворачиваются в ходе Второй мировой войны: «Назойливо и даже оскорбительно для механизированной армии двадцатого века напрашивалась аналогия с Наполеоном» [2, с. 111].

Использование такого темпорального показателя, как «времена», характеризует прошлое, причем с целью обобщенного восприятия определенного отрезка времени: «Когда-то в старые, может, еще ленинские времена уголовный мир разделился на два лагеря» [3, с. 21]. Очевидно, здесь большую уточняющую роль играет прилагательное «ленинские», сочетающееся с лексемой «времена».

Многочисленными репрезентантами темпоральности в произведении служат номинации циклических природных явлений (утро, день, вечер, ночь; зима, весна, лето, осень). Для начала мы рассмотрим лексемы суточного цикла, общая сумма которых составляет около 360 случаев употребления в трилогии: утро (50), день (141), вечер (61), ночь (108).

Лексема «день», как видно из данных выше, является наиболее употребительной в художественном произведении. Она интересна разностью своих значений, универсальностью не только временного аспекта, но и культурного. Рассматривая лексему с точки зрения темпоральности, важно отметить двойственную природу «дня». В первую очередь, конечно, день отражает циклическую составляющую. В словаре Ожегова даны разные значения этого слова: день может обозначать и «часть суток от восхода до захода Солнца, между утром и вечером», и «промежуток времени в пределах суток, занятый или характеризующийся чем-либо» [57].

Во французском и английском языке лексеме «день» присуща форма линейности времени, поскольку там мы можем наблюдать номинацию суточного цикла продолжительностью в 24 часа.

Возвращаясь к трилогии Аксёнова, мы вновь убеждаемся в уникальности данной лексемы, поскольку в произведении она представлена достаточно широко и разнопланово. В первую очередь, слово день употреблено с дополнительными именными сочетаниями, обозначающими конкретный промежуток, период жизни: «в дни красного террора и военного коммунизма» [1, с. 131]. Из контекста мы сразу понимаем, что речь идет о годах Гражданской войны.

Помимо этого, писатель нередко описывает важные события в ходе повествования – будь то день рождения одного из главных героев или день Победы.

Но самым частым употреблением лексема день используется в значении суток: «Несколько дней он метался в бреду и беспомощности, лишь на мгновения выныривая к обледелым веточкам и снежкам за окном Ораниенбаумского дворца» [1, с. 27]; «... Первый день ноября <...> будет залит огромным светом нечастого гостя России – звезды, именуемой Солнцем.» [1, с. 64].

Второй по употребительности среди темпоральных лексем суточного цикла является лексема «ночь». В словаре Ефремовой говорится о том, что это «название части суток от захода до восхода Солнца» [38].

Ночь противостоит дню, однако это вовсе не значит, что данный период времени более пассивный. Как раз наоборот, ночь в «Московской саге» - время движения, время решающих моментов и глубоких переживаний. «Ну а кого взяли-то ночью?» [1, с. 349] – в данном контексте говорится о жестоких сталинских репрессиях, когда народ жил в страхе и ужасе и ежедневно терял свое окружение в стенах НКВД и лагерях.

Тем не менее, сложно сказать, что ночь сопровождается яркими эпитетами, или что данная лексема наполнена своеобразными символиками. На мой взгляд, у этой лексемы отсутствует какая-либо эмоциональная оценка, что способствует особой концентрации внимания именно на восприятии действий ночного мира. Иными словами, ночь не «оттеняется» в ходе повествования, наоборот, она помогает прочувствовать ту дисгармонию жизни, которую нам обрисовал автор, описывая столь непростое время в трилогии. «За ночь их надо будет подвести вплотную к линии фронта» [2, с. 148]; «Как раз в ту ночь <...> на Хиросому была сброшена атомная бомба» [2, с. 427].

Единственное время суток, когда герои могут побыть наедине с собой, когда их жизнь обретает покой и гармонию, это вечер. Лексема «вечер» представлена в книгах Аксёнова весьма обильно, но не так интенсивно, как «день» или «ночь». «Свежестью и промытостью веяло от сентябрьского вечера» [1, с. 32]; «К вечеру все окончательно и самым счастливым образом разрешилось» [1, с. 240]. Однако не всегда эта лексема представляет переход от активного времяпрепровождения к времени свободному. Нередко в вечернее время происходят и уютные, семейные встречи, когда каждый персонаж становится духовно близким со своими родными людьми. «Под вечер того же дня многочисленные гости

съезжались на дачу профессора Градова в Серебряном Бору» [1, с. 39]; «Вечер был в полном разгаре!..» [1, с. 117]. Стоит также отметить, что чувство близости с семьей репрезентуется через местоимения: наш вечер, их вечер; а эмоционально-оценочные слова, вступающие в связь с лексемой «вечер», показывают, что для героев трилогии это время особенно ценно и значимо: «Впрочем, было ведь все-таки и другое – молодость, любовь, мечтательные вечера...» [2, с. 139].

Проанализировав данную лексему, можно условно выделить несколько атрибутивных классов, относящихся к ней. Чаще всего, на страницах текста мы сталкиваемся с календарной характеристикой (мартовский вечер, октябрьский вечер, ноябрьский вечер и т.д.), характеристикой, обозначающей какое-либо событие / праздник (выпускной вечер, рождественский вечер), характеристикой явлений природы (солнечный вечер, ветреный вечер), характеристикой по протяженности и повторяемости (первый / последний вечер, поздний вечер), а также приветствием (добрый вечер) или прощанием (до вечера!).

Последним репрезентантом темпоральности в категории суточного цикла является лексема «утро», употребление которой не столь обширно в «Московской саге». Наиболее часто данная лексема используется в совокупности с количественным числительным: «В десять утра на Кремлевской стене вспыхнула огненная цифра X» [1, с. 146]; либо в сочетании с атрибутивом со значением протяженности / повторяемости: «Ранним утром машина с Пулково выехала на кишашую извозчиками и грузовиками Лубянскую площадь» [1, с. 130].

Особенностью употребления лексемы «утро» также является атмосфера данного промежутка времени. Чаще всего, Аксёнов описывает утро как время прохладное, тихое, практически безлюдное. Тем не менее, это не внушает чувство спокойствия и умиротворения. Как раз наоборот, утро – это не просто начало нового дня, это начало новых тревог: «В ту

ночь он беспрепятственно дошел до явочной квартиры, а утром... вот утром- то и начались его муки» [1, с. 24]. Говоря о семантике начало, важную роль играют глаголы движения, сочетающиеся с лексемой «утро». Как правило, Аксёновым используются такие глаголы, как вышли, начались, явились и т.д.

Итак, подводя итог о данной категории лексем с темпоральным значением, следует отметить, в первую очередь то, что важной составляющей художественного произведения Василия Аксёнова «Московская сага» являются антонимические лексемы «день» и «ночь», выражающие кардинальные как внешние, так и внутренние метаморфозы в жизни героев. Одним из главных отличительных признаков между этими лексемами является указание на точные даты, когда речь идет о «дне» и полное отсутствие датировок – о «ночи». Возможно, это связано с тем, что именно на дневное время выпадает основная трудовая деятельность героев, а для ночного времени важно нечто иное.

«Утро» и «вечер» также противопоставляются друг другу. Если первая лексема сопровождается практически всегда неким чувством беспокойства и тревоги, несмотря на атрибутивы, выражающие тишину и покой, то лексема «вечер», наоборот, сопровождается «живыми» прилагательными, наполненные чувством гармонии и счастья.

Вторая группа слов принадлежит к календарному циклу: зима (14), весна (8), лето (20), осень (8). В общей сумме, лексемы данной категории были употреблены не более 50 раз.

Несмотря на относительно небольшое употребление данных лексем в тексте, Василий Аксёнов не обходит стороной соотнесенность календарного цикла с сюжетом произведения. Зачастую писатель использует лишь названия месяцев, дней недели и конкретные даты, помогающие лучше ориентироваться во времени.

Лексемы « весны» и « осень», как мы можем заметить, менее употребительны, в отличие от остальных, однако основные действия трилогии приходятся как раз на эти два периода. Например, обозначение таких осенних и весенних месяцев как « октябрь» и « март» являются наиболее частыми и повторяются в разы чаще, чем лексемы « осень» и « весна».

Осень оказывается периодом социально значимых событий как в стране, так и в жизни отдельно взятого персонажа. Хотя описывается она отнюдь не возвышенно и оптимистично: « промозглая осень» [1, с. 46]. Особый интерес для нас представляет лексема « октябрь», выражающая не столько темпоральное значение, сколько историческое. Поскольку вся первая книга посвящена событиям послереволюционным (по сюжету, не прошло и десяти лет с серьезных перемен в государстве), Аксёнов нередко использует Октябрь в качестве названия события, нежели временного отрезка жизни: « Какой страшный удар к годовщине Октября!...» [1, с. 67].

Естественно, что « осень» сопровождается характерными для нее признаками – проливными дождями, сильными ветрами, грязью и слякотью. Данная лексема отражает внешние показатели данного периода, которые тесно переплетаются с внутренним мироощущением автора.

Смысловую оппозицию осени составляет весна. Удивительно, но она показана в трилогии как время спокойное, плавное, лишённое динамики и предпосылок к внутренним изменениям. Более того, писатель редко использует данную лексему в тексте. Возможно, что этот репрезентант служит лишь неким фоном, второстепенной составляющей темпоральной лексики в трилогии « Московская сага». Принято считать, что весна – пора обновления и больших перемен. В трилогии это показано, но лишь с точки зрения естественно- природных явления, исключая проявление эмотивного времени. Так, например, Василий Аксёнов, говоря о весне, использует прилагательное « ранний», то есть « наступающий» [словарь Ожегова], что

свидетельствует о начале нового этапа: «В разбитое окно влетала совершенно волшебная струя ранней городской весны» [2, с. 157].

Лексема « зима» занимает вторую позицию по частотности употребления, неспроста она используется в названии одной из частей книг (« Московская сага. Книга первая. Поколение зимы»). Из этого напрашивается вывод, что данный временной отрезок может восприниматься как нечто цельное, протяженное во времени. Это привело к появлению определительного местоимения « вся» в связке с лексемой, что указывает на целостность восприятия зимы: « Туда устремлялись бесконвойные эки, чтобы нахвататься витаминами на всю зиму» [2, с. 469].

Примечательно, что в первой части трилогии (за исключением названия) лексема « зима» повторяется всего несколько раз, а во второй части – более 10. « Зима» в тексте Василия Аксёнова сопровождается словами со значением безнадежности, тяжести и пустоты: « тусклые дни уже застоявшейся зимы» [2, с. 138]; « такой чудесный день, первый после этой жуткой зимы...» [2, с. 173].

Важным когнитивным признаком лексемы является и то, что зима представлена скорее не как снежное время года, а как холодная, морозная пора. За счет этого формируется определенное восприятие, раскрывающее суть суровых природных явлений. Нельзя сказать, что данный репрезентант, в отличие от предыдущих двух, содержит объективную сему восприятия времени, поскольку героям (собственно, как и читателям) кажется, что зимняя пора длится несоизмеримо долго.

В русской языковой картине мира лето и зима противопоставлены друг другу. Как правило, с летним периодом ассоциируется активная трудовая деятельность или же насыщенные, яркие, беззаботные дни. В основном, на этот период приходится много праздников и значительных дат. Не исключением стала и трилогия « Московская сага». В ней лексема « лето» встречается больше 20 раз и сопровождается различными, где-то

даже двойственными эмоционально-оценочными атрибутами. Образ лета приобретает значение живости, неугомонности. Лето – это отдельная жизнь в полном ее понимании. Даже в непростых условиях летом человек чувствует себя лучше: «Потому что летом Колыма превращается в неисчерпаемый резервуар витаминов!» [1, с. 423]. Характерной особенностью данной лексемы служит то, что она нередко способствует появлению прилагательного «прошлого», обладающее темпоральным значением и указывающим на «минувшие события» [57]. В тексте художественного произведения Василий Аксенов осмысление всего того, что произошло летом находит отражение в сочетании «прошлым летом».

Лето – «самое тёплое время года, следующее за весной и предшествующее осени» [57], оно обладает вполне объективными характеристиками темпоральности, так как указывает на конкретный временной промежуток. Тем не менее, в тексте мы встречаем достаточно частое употребление фразеологизма «бабье лето», которое семантически включает в себя понятие о тёплой ранней (а иногда – и не очень ранней) осени: «Под вечер погожего октябрьского дня – бабье лето в полном разгаре!» [1, с. 113]; «Бабье лето ликовало над Серебряным Бором» [1, с. 319].

Таким образом, мы можем заметить, что в трилогии В. Аксёнова «Московская сага» лексемы, относящиеся к календарному циклу, выстраиваются в определённые смысловые оппозиции: осень – весна / зима – лето. Сами темпоральные репрезентанты данной группы представлены в меньшем количестве, чем лексемы, обозначающие суточные циклы. Тем не менее, они играют весомую роль, неся за собой особую смысловую нагрузку.

Последняя категория лексем со значением темпоральности – это лексические единицы, представляющие линейное время (прошлое, настоящее и будущее). В произведении Василия Аксёнова «Московская

сага» они представляют малочисленную группу. Например, лексема «настоящее» ни разу не была использована писателем, «будущее» встречается на страницах книг всего 13 раз, а лексема «прошлое» - 21.

И прошлое, и будущее описываются ярко, с помощью эпитетов и других средств художественной выразительности. Анализируя каждую из лексем, следует сказать, что «будущее» в целом «характеризуется меньшей репрезентацией в русском языке» [51]. Причина, вероятнее всего, заключается в том, что будущее время носит отвлеченный характер, поскольку является временем предварительных планов и «сценариев». Неспроста в словаре Ефремовой одним из значений будущего являются «предстоящие события».

В «Московской саге» будущее включает в себе семантику безнадежности, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, общее состояние беспокойства. Зачастую с лексемой «будущее» используются такие глаголы, как «раскрыть», «разрушить» и т.д. [1, с. 8]. Поскольку главные герои живут в непростой период, полный шаткости и зыбкости, будущее для них представляется весьма смазанным и недалеким, оттого во многих случаях в тексте лексема «будущее» употребляется с прилагательным со значением «близкий»: «Такого давно уже с ним не было – оказаться запертым в зоне без малейшей надежды в ближайшем будущем на свободный проход» [3, с. 438]; «Поговаривали, что в самом близком будущем Большая Тройка соберется подводить итоги и намечать планы завершающего <...> этапа войны» [2, с. 268]. Ко всему прочему, на этих примерах мы видим, что время измеряется с помощью пространственной семантики атрибутива «близкий».

Лексема «прошлое» в произведении имеет противоположную коннотацию. Чаще всего, герои трилогии вспоминают прошлое, как нечто светлое, возвращающее во времена далекие, наполненные счастьем: «...мгновенно и ушел в свое заоблачное прошлое...» [2, с. 380]. Еще одной

характерной чертой является то, что в речи персонажей Аксёнова отсутствует точная датировка событий.

Итак, проведя количественный подсчет случаев употребления лексических единиц со значением предметности, выражающих цикличное и линейное время, можно прийти к выводу о том, что лексемы, входящие в первую группу, используется в 30 раз (!) чаще.

2.1.2. Лексические единицы со значением качественности

Прилагательные с темпоральным значением в трилогии В. Аксёнова «Московская сага» представлены не в таком большом количестве, как лексические единицы со значением предметности, выражающие категорию времени, хотя и представлены широко.

Лексические единицы со значением качественности, выражающие темпоральность, в тексте Василия Аксёнова фиксируют временную локализацию тех или иных явлений, событий и т.д.

Условно можно представить следующую классификацию, образованную по тематическому принципу.

Во-первых, это прилагательные, относящиеся к линейному времени (вчерашний, сегодняшний, завтрашний): «Вчерашним школярам не впервой было дымить втихаря, в кулак» [2, с. 11]; «Вчерашняя комсомолка <...> и не заметила, как быстро докатилась до белогвардейских словечек» [2, с. 24]. Лексема «вчерашний» является наиболее употребительной в данной категории и, как мы можем видеть, чаще всего относится к отдельной человеческой личности, выражая, скорее, не точную отсылку ко вчерашнему дню, а к прошлому как к таковому, показывая читателям метаморфозы человеческой жизни.

Вторая группа включает в себя прилагательные, образованные от названий частей суток (утренний, дневной, вечерний, ночной): «Ночная работа всегда вдохновляла Градова» [1, с. 379]; «Предрассветный туман прикрыл толстыми слоями все ночное дело» [2, с. 343]. Ночь – особая пора в художественном мире Василия Аксёнова. Лексема «ночной» практически всегда соприкасается с какими-либо активными действиями, движением. Неспроста в примерах выше она сочетается со словами «работа» и «дело».

Следующая категория – это малочисленная группа прилагательных, которые образуются от количественно-именных сочетаний. Например, «Семилетняя Ёлка самозабвенно хохотала над вечным комиком папкой» [2, с. 27] или «Сорокаоднолетний бывший комкор...» [2, с. 67]. Лексемы этой категории нужны для точного обозначения времени. В большинстве своем, они служат для репрезентации возраста тех или иных персонажей.

Четвертую группу представляют имена прилагательные, образованные от названий времен года (зимний, весенний, летний, осенний). Если репрезентанты «весна» и «осень» были не столь распространены в произведении, то «весенний» и «осенний» употребляются чаще остальных: «весенний морозец» [2, с. 327]; «она была в весеннем костюме» [2, с. 394]; «осенняя серость» [1, с. 59].

Чаще на весеннее и осеннее время года указывают прилагательные, относящиеся к категории образованных от названий месяцев лексем: «сентябрьский вечер» [1, с. 22]; «октябрьское небо» [1, с. 38] и т.д. Это самая употребительная по частотности группа репрезентантов с качественным значением.

Особое место в тексте занимают лексемы «дореволюционный» и «довоенный», которые обладают семантикой выражения объективного времени, отражая конкретный временной период. Например, когда речь идет о дореволюционных временах, становится понятным, что автор подразумевает отрезок времени до Октябрьской революции 1917 года.

В оппозиционных отношениях находятся лексемы « первый» и « последний», семантика которых отражает представления не только о времени, но и о пространстве. Репрезентант « первый» в трилогии В. Аксёнова «Московская сага» имеет значение «самый ранний, наступивший раньше всех» [57]: «... Первый день ноября 1925 года будет залит огромным светом нечастого гостя – Солнца» [1, с. 64]. Прилагательное « последний» имеет много разных значений, но у писателя, как правило, оно используется с семантикой « текущий, иссякающий»: « Что за странный шутливый тон у тебя появился в последнее время?» [2, с. 33].

Подводя итог проведенному анализу, мы выяснили, что прилагательные с темпоральным значением выделяются в особые семантические группы, внутри которых выделяются наиболее употребительные лексемы и лексемы, представленные в тексте произведения не столь явно.

2.1.3. Наречные репрезентанты со значением темпоральности

Темпоральные наречия являются еще одним средством выражения временной информации.

Ряд отечественных исследователей языка (М.В. Всеволодова, Е.С. Яковлева и другие) убеждены в том, что лексическое время – это некая совокупность способов выражения сущности различных аспектов временной категории, которые выражаются с помощью специальной темпоральной лексики: существительных и прилагательных, описанных выше на основе произведения Василия Аксёнова «Московская сага», а также наречий (таких, например, как «вчера», «сегодня», «давно», «после» и т.д.).

Они присутствуют в довольно большом количестве в различных художественных произведениях, и наша «Московская сага» не стала исключением.

В отечественной лингвистике есть определенные семантические разряды наречий с темпоральным значением. Это, в первую очередь, семантически неосложненные, или, как их еще называют, собственно временные наречия, представленные достаточно широко в трилогии (вчера, сегодня, завтра, сейчас, долго и т.д.) и наречия осложненные, то есть ситуативно-временные (впотьмах, сумерками). Однако последняя категория наречий не встречается на страницах произведения.

Особенность временных наречий заключается в том, что зачастую они выражают субъективную временную характеристику, лишенную конкретики: «Значит, вы совсем недавно видели Андрея, молодой человек?» [3, с. 320].

Помимо этого, есть еще одна отличительная черта, свойственная наречиям в тексте Аксёнова – это двойственность значений. Те наречные репрезентанты, которые, на первый взгляд, носят локативный характер, могут обладать и темпоральным значением. Например, «...Я часто сижу и вспоминаю, какая она была» [3, с. 308]. Самым ярким представителем в тексте среди данных наречий является «тут же». В целом, это самое частое темпоральное наречие во всей трилогии (используется более 100 раз): «Назвав своё имя, он тут же пожалел, что ставит ее в неловкое, если не сказать, страшное положение» [2, с. 47]. В Орфографическом словаре Ожегова «тут» означает то же самое, что и «здесь», однако мы видим, что в определенном контексте данная лексема имеет временную семантику.

Описать все наречные репрезентанты с темпоральным значением, встречающиеся в трилогии, не представляется возможным ввиду их многочисленности. Однако условно мы можем поделить их на некоторые

семантические группы, отталкиваясь от классификации Р. Гжегорчиковой [77, с. 108-109]:

а) Наречия с семантикой предшествования (сперва, прежде, раньше): «Прежде он полагал, что знает пружины революций» [1, с. 8]; «Раньше у каждого мужчины при виде красавиц появлялось в глазах некоторое обалдение...» [1, с. 97].

Данная группа лексем характеризует порядок действий, указывая на первенство или на то, что происходило до момента речи.

б) Наречия со значением последовательности, которые указывают на то, что сделано после предшествующих событий (потом, затем, прежде). Самой большой частотностью в трилогии В. Аксёнова обладает лексема «после». Она выражает действия в будущем времени: «Вуйнович затянулся длинной папиросой «Северная Пальмира», потом отшвырнул ее в сторону»; [1, с. 18]; «... После ареста Кирилла, Циля проснулась от непрерывного скрипа чьих-то дверей» [2, с. 415].

в) Группа темпоральных наречий, указывающих на повторение (опять, снова). В тексте нашего произведения наречия, обладающие данной семантикой, зачастую указывают на регулярность одних и тех же действий персонажей. Иными словами, эта группа характеризует действия не с точки зрения роста и развития, а выражает цикличность ряда поступков: «Он начал что-то опять бормотать про танки Гудериана, о воле истории, о том, что надежда найти Кирилла еще не потеряна...» [2, с. 90].

г) Наречные репрезентанты со значением результативности. Самой распространенной среди представителей данной категории является лексема «наконец». Особенность ее заключается в том, что семантика может быть связана как с завершением некоторых действий, так и с промежуточным этапом, то есть, когда персонаж достигает определенного результата, но при этом не останавливается на достигнутом и, с большей

вероятностью, предрекает появления следующего действия. У Василия Аксёнова «наконец» используется больше в первом случае: 1) «Я встретил наконец свою женщину, думал он» [2, с. 49].

д) Наконец, мы перешли к самой обширной группе наречий с темпоральным значением – это наречия с семантикой мгновенности действия. В «Московской саге» репрезентантом данной группы является «вдруг», которое употребляется в произведении 192 раза: «Вдруг ни с того ни с сего начинает беситься» [3, с. 56]. В его семантике заключена и скорость действия, и эффект неожиданности, который служит причиной отсутствия какой-либо подготовки к совершению действия. Например, по Аристотелю наречие вдруг «относится к ситуации, возникшей в такой короткий срок, что она нам кажется неуловимой» [6, с. 113].

В отдельную группу хочется выделить слова, основным значением которых является настоящее время (сейчас, теперь, тут же), однако сложность заключается в том, что в смысловом составляющей предложения они далеко не всегда сохраняют значение «настоящее». Тем не менее, «Московская сага» имеет большое количество наречий с условной семантикой настоящего времени: «Там сейчас <...> Борис Четвертый занимается гантелями, наращивает мускулатуру, и тихая Верулька сидит с книжкой в кресле....» [2, с. 192], «А чего же изучать-то, Никита Борисович, я теперь весь перед вами, как на ладони» [2, с. 192].

Итак, проанализировав частотность употребления наречных репрезентантов в тексте произведения «Московская сага» и разбив их по разным группам, можно заметить, что все они связаны по принципу соотношения одного действия с другим.

2.2. Грамматические средства выражения категории темпоральности в трилогии В. Аксёнова «Московская сага»

Категория темпоральности охватывает все уровни языковой системы и представляет единство лексических и грамматических средств выражения времени. Проанализировав лексические единицы, мы переходим к рассмотрению грамматических способов репрезентации темпоральности.

Удивительное свойство художественного текста заключается в том, он дает возможность «как прямого, так и переносного употребления форм времени» [58].

В отечественной лингвистике одной из форм временных моделей является дейктическая. В теоретической части работы уже речь шла о функционально-семантическом поле темпоральности и о важном для него понятии – понятии временного дейксиса. Дейктический – значит, «выражающий идентификацию объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации – через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту». [6, с. 15].

Мы рассмотрим грамматические явления, связанные с категорией темпоральности через временной дейксис.

Глаголы, как ничто иное, наиболее полно выражают категорию движения. Любое действие характеризуется во времени. Не исключением служит и речевой акт.

Время рассматривается как некая ось, на которой отмечаются точки отсчета. Таких точек Г. Рейхенбах выделяет три [56, с. 72]:

- момент речи;
- момент события;
- относительный момент.

Как неоднократно отмечалось многими исследователями, «основная роль в обозначении лингвистического времени принадлежит глаголу» [4, с. 73]. Реализация дейктического времени происходит с помощью модели «

прошлое – настоящее – будущее», представленной в морфологической системе глагола. Обращаясь к трилогии Василия Аксёнова «Московская сага» стоит выделить, что наиболее частотной среди глагольных форм являются формы настоящего времени. Это связано с тем, что настоящее актуальное широко используется в речи персонажей, следовательно, «момент речи» задается ситуацией общения. Однако, это было бы слишком просто с точки зрения такого понятия, как временной дейксис. Например, предложение «Пулково всегда найдет нужное слово» [1, с. 76] на первый взгляд, относится к категории настоящего времени, однако это не совсем так, поскольку данное высказывание характеризует объект, указывая на определенные свойства безотносительно к какому-либо временному промежутку. Но ситуация, описанная в предложении, остается истинной для любого момента речи, оттого и рассматривается как дейктическая.

Наречия с временным значением такие, как «сейчас», «тут же», также способствуют выражению одновременности действия с моментом речи, указывая, тем самым, на настоящее время в предложении.

Также среди прилагательных имеется группа дейктиков с временным значением, которая делится на разные категории, в том числе, и на категорию с характеристикой действия как одновременного с другим действием. Такими прилагательными являются «заблаговременный», «преждевременный», «надлежащий» [62, с. 220], которые в меньшей степени используется в трилогии Аксёнова.

А вот дейктические прилагательные с временной характеристикой действия в прошедшем в трилогии «Московская сага» представлены весьма широко: «Все тогдашние освобождения немедленно вызывали какую-то собачью трясучку...» [1, с. 400].

В целом, форма прошедшего времени в произведении встречается достаточно часто, особенно широко она используется в значении аориста (общее понятие, указывающее на простое значение в прошлом): «Зрелище

это отнюдь его не обрадовало, но испугало» [2, с. 67] и в значении перфекта (прошрое актуализируется в настоящем): «Стёкла у нее были не завешены, и он смог рассмотреть небольшой поселок и окружающие сопки» [2, с. 82]. Помимо этого, форма глагола прошедшего времени несовершенного вида может указывать на длительную повторяемость действий в прошлом: «ели», «учились», «спали».

Сравним два предложения:

1) «Они шли по коридору» [1, с. 49].

2) «Никита говорил отрывисто, будто вытягивал бумажную ленту из телеграфного аппарата.» [1; с. 147].

На первый взгляд, может показаться, что они аналогичны, но во втором случае употребленная форма глагола в точности указывает лишь на то, что описываемая ситуация однозначно имело место в прошлом, но актуальна ли она на момент речи, без контекста мы понять не можем. Возможно, персонаж всегда говорит так, «будто вытягивая бумажную ленту из телеграфного аппарата».

Рассмотрим другой пример. Предложение «Даже в годы военного коммунизма <...> градовский дом всегда поддерживал свой очаг и свет в окнах, ну а теперь-то, среди нэповского процветания, все вообще как бы вернулось на круги своя...» [1, с. 29] показывает, что соотношение момента речи и описанной ситуации можно определить с помощью других языковых средств, а именно благодаря отсылки к конкретному временному отрезку, который, очевидно, был когда-то давно и противопоставляющему ей наречию с семантикой настоящего времени «теперь-то». Таким образом, является ли ситуация актуальной на момент речи или нет, можно узнать, исходя из определенных синтаксических конструкций, контекста, видовых форм глагола и дополнительных языковых единиц.

Основное значение будущего времени — это время глагола, обозначающее действие, которое произойдет после момента речи о нем.

Любопытно, что по некоторым своим морфологическим особенностям, будущее время зачастую соотносят либо с временем настоящим, либо с прошедшим, что приводит к отказу этой граммеме в значении временного дейксиса в лице ряда лингвистов. Более того, есть и те, кто не считает футурум самостоятельной граммемой.

Несмотря на это, будущее время все-таки встречается на страницах трилогии, хоть и не в таком большом количестве, как настоящее и прошедшее время. Наибольшую роль в предложениях играют не столько глаголы, сколько другие части речи, которые несут особую смысловую нагрузку и указывают на события, которые произойдут после момента речи. Например, с помощью дейктического прилагательного с временным значением будущего «следующий»: «В следующее мгновение взорвался бензобак» [2, с. 105]. Временные же глагольные формы не меняют своего основного значения - указания на неактуальность, нереальность на момент речи события.

Итак, временной дейксис представлен грамматически во временных глагольных формах, представленных в произведении Василия Аксёнова «Московская сага». При этом необходимо отметить, что это правило распространяется и на видовые формы глагола. Также следует сказать, что форма футурума не может считаться дейктической, тем не менее, в сочетании с именем или другой частью речи с временным значением она способна обозначать некую «временную дистанцию».

Это лишь начальный этап изучения грамматических средств выражения темпоральности путем временного дейксиса на примере произведения В. Аксёнова «Московская сага». Проблема дейксиса в современном языкознании стоит особняком среди лингвистов. Несмотря на то, что данный вопрос рассматривался многими исследователями в разных аспектах языкознания (общетеоретические: К. Бюлер, Е.В. Падучева; семиология: А.А. Уфимцева и т.д.), на нынешний момент создание общей теоретической базы является актуальной задачей в области лингвистики.

Выводы

Таким образом, во второй главе мы сумели выявить, путем статистического метода сопоставить лексические единицы со значением предметности, а также проанализировать лексические единицы со значением качественности и наречные репрезентанты, выражающие категорию темпоральности в трилогии Василия Аксёнова «Московская сага». Самыми частотными в употреблении оказались имена существительные с темпоральным значением, менее частотные – имена прилагательные. Также все лексемы, представленные в каждой категории, были поделены на особые семантические группы, внутри которых осуществилась своя градация.

Кроме того, с помощью временной дейктической модели мы попытались рассмотреть некоторые особенности грамматических средств выражения времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория времени веками волновала умы великих философов, мыслителей и учёных. Первые упоминания о вопросах течения времени появляются еще в далекие античные времена, а дальнейшее развитие идеи о проблеме сущности времени продолжается в трудах исследователей разных областей наук по сей день.

Особое внимание данной категории уделяется в лингвистической науке. В ходе нашей работы мы обратились к рассмотрению взглядов на проблему временных отношений разных языковедов из разных научных направлений.

Было выявлено, что вопрос темпоральности, понятие куда более широкое, чем категория время, поскольку включает в себя и грамматические, и лексико – семантические средства репрезентации времени, интересен ученым многих областей языкознания, однако он так и остался не до конца решенным, в связи со своей сложной спецификой.

Нам также удалось выяснить, что, изучая средства выражения временных отношений в художественных произведениях, рассматривая при этом категорию темпоральности, мы обращаем внимание на лексические и морфологические средства выражения времени, однако четкой дифференциации использования темпоральных нами не было обнаружено. При этом мы отдельно рассмотрели лексико - семантическую группу с

инвариантом «время», которая поддалась классификации на различные семантические оттенки, связанные с общим временным значением.

Выделив особым образом понятие дейксис и рассмотрев его разновидности, мы постарались во второй главе работы увидеть через призму дейктической модели времени те специфические особенности грамматических средств, репрезентирующих категорию темпоральности, которые были использованы Василием Аксёновым в трилогии «Московская сага».

В первой части второй главы мы убедились в том, что важной составляющей в авторской модели времени являются темпоральные лексемы, которые не просто характеризуют категорию темпоральности, но и помогают увидеть идейное своеобразие творчества Василия Аксёнова, что в дальнейшем может поспособствовать изучению концептуализации времени этого писателя.

Распределив и проанализировав лексемы с темпоральным значением, нами было понято, что жизнь героев трилогии Аксёнова «Московская сага» вписаны в рамки циклического времени, поскольку репрезентанты, выражающие время линейное, встречаются в малом объеме на страницах произведения. Концепция исторического времени также носит циклический характер.

Подводя итоги вышеописанному, мы можем сказать, что в результате нашей работы были выполнены поставленные задачи и достигнута главная цель.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аксёнов В.П. Московская сага. Книга первая: Поколение зимы: роман / Василий Аксёнов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 416 с.
2. Аксёнов В.П. Московская сага. Книга вторая: Война и тюрьма: роман / Василий Аксёнов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 448 с.
3. Аксёнов В.П. Московская сага. Книга третья: Тюрьма и мир: роман / Василий Аксёнов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 512 с.
4. Алабугина Ю.В. Толковый словарь русского языка
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
6. Аристотель. Сочинения: в 4. – М.: Мысль, 1978. Т. 2. – 687 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е. В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 21–38.
8. Арутюнова Н.Д., Янко Т.Е. Логический анализ языка: Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – 352 с.
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Издание второе, стереотипное. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1969. – 598 с.

10. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. Учебник; Практикум. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.
11. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. Пособие для студентов. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
12. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. – М.: Языки славянской культуры, 2017. – 344 с.
13. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация и идеи времени / С.-Петербург. Гос. Ун-т. СПб.: Издательство С.-Петербург. Ун-та, 1999. – 256 с.
14. Бондарко А.В., Шубик С.А. Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005. – 480 с.
15. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
16. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Введение, актуальность, временная локализованность, таксис. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
17. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Ленинград: Наука, 1990. – 264 с.
18. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
19. Бурлакова В.В. Дейксис / В.В.Бурлакова [и др.] // Спорные вопросы английской грамматики: коллективная монография. [отв. ред. Бурлакова В.В.] - Л.: ЛГУ, 1988. - С. 74 – 88.
20. Бюлер К. Репрезентативная функция языка. (Языковеды мира). – М.: Прогресс, 1993. – 501 с.

21. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / К.Бюлер [общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной] – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – 528 с.
22. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: Агар, 2000. – 416 с.
23. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 173 с.
24. Величко М.А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. - 2016. - № 2 (177). - С. 39 – 43
25. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: Избранные труды. -М.: Наука, 1975. – 562 с.
26. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. /Под. ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 709 с.
27. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
28. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. Изд.2-е, доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
29. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник / М.В. Всеволодова. М., 2000. – 502 с.
30. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений [Текст]: На материале иберо-роман. яз. / АН СССР. Ин-т языкознания. - Москва: Наука, 1974. – 224 с.
31. Востоков, В.В. Коммуникативный, когнитивный и эмотивный аспекты темпоральных значений в структуре текста. [Электронный ресурс]. URL: http://www.filologdirect.narod.ru/sra/sra_2006_44.html

32. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. -М.: Наука, 1981. – 144 с.
33. Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видо - временной системе русского глагола. – М.: Азбуковник: Русские словари, 2001. – 319 с.
34. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Постмодернизм. – Минск: Современный литератор, 2007. – 816 с.
35. Гулидов А.И., Наберухин Ю.И. Существует ли время? / Философия науки. – 2002. – № 2. – С.6 –12.
36. Гуревич А.Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. — 1969. — № 3. — С.105—116.
37. Дешериева Т.П. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому философскому аспектам / Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – 6 с.
38. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/>
39. Зеленицкий А.Л., Новожилова О.В. Теория немецкого языкознания: Учебное пособие. – М.: Академия, 2003. – 400 с.
40. Золотова Г.А. Время в мире и тексте. Категоризация мира: пространство и время / Материалы научной конференции. – М.: Инфра-М, 2012. – С.38 – 39.
41. Золотова Г.А. Категории времени и вида с точки зрения текста / Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – 20 с.
42. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: УРСС, 2010. – 368 с.
43. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика. – М.: Наука, 2004. – 544 с.

44. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. – 352 с.
45. Иванова, И. П. Вид и время в современном английском языке / И.П. Иванова. – Москва, 1961. 199 с.
46. Казаченко О.В. Когерентность и когезия текста // Альманах современной науки и образования. - 2009. - № 8-2. - С. 88-90.
47. Карапетян М.В. Лекции по теоретической грамматике английского языка: учебное пособие. – М.: ВГУ, 2013. – 149 с.
48. Кубрякова Е.С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2006. № 3. С. 5 – 14.
49. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
50. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950 -1990-е годы. Пособие для студентов Высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 404 с.
51. Мельчук И.А. СЕЙЧАС и ТЕПЕРЬ в современном русском языке // Мельчук И. А. Русский И. А. Русский язык в модели «Смысл — Текст». М.; Вена: Школа «Языки русской культуры»: Венский славистический альманах, 1995. С. 55–79.
52. Михеева Л.Н. Время в русской языковой картине мира. – Иваново: Издательство Ивановского государственного университета, 2003. – 251 с.
53. Морковкин В.Р. Опыт идеографического описания лексики. – М.: Издательство Московского университета, 1977. – 168 с.
54. Мурясов Р.З. Типология глагола в разноструктурных языках. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2011. – 352 с.

55. Мухин А.М. Вариантность синтаксических единиц. – М.: Наука, 1995. – 240 с.
56. Нестерик Э. В., Мухатаева А. А. Художественное время как литературная и текстовая категория // Молодой ученый. – 2015. – №9. – С. 1391-1393.
57. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. [Электронный сайт] URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>
58. Падучева Е.В. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты / Е.В. Падучева, С.А. Крылов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М., 1984. – С. 25-96.
59. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В.А. Плунгян. – М.: РРГУ, 2011. – 672 с.
60. Пospelов Н.С. О двух рядах грамматических значений глагольных форм в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1966. № 2.
61. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени / Г.Рейхенбах. Пер. с англ. Л.В.Яковенко. Общ. ред. А.А.Логунова, Ю.Б.Молчанова, 2 изд. - М.: Едиториал УРСС, 2003 – 322 с.
62. Рогожникова Р.П., Карская Т.С.: Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII-XX вв. – М.: Дрофа, 2005. – 828 с.
63. Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю. Время и пространство как категория текста. Теория и опыт исследования. – М.: Флинта, 2009. – 200 с.
64. Самофалова М. В., Бабиян Т. В., Мкртчян Т. Ю. Художественное время как важнейшая композиционная составляющая текста // Молодой ученый. – 2015. – №24. – С.1152-1154.45. Смирнов А. В. Время / Новая философская энциклопедия / В. С. Стёпин. 2-е изд. – М.: Мысль, 2010. – 4 с.
65. Солганик Г.Я. Стилистика текста. – М.: Высшая школа. – 1997. – 397 с.

66. Тарасов Е.В. О многоаспектной природе времени (время физическое, перцептуальное, языковое, художественное и лингвистическое) // Вест. Харьков. ун-та. Харьков, 1989. № 339. С. 33-37.
67. Тураева З.Я. Категория времени: Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1979. – 219 с.
68. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева. – М., 1980. – 240 с.
69. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М.: Прогресс, 1993. – 321 с.
70. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
71. Шестоपालко Н.В. Система темпоральных категорий английского глагола: традиционный и альтернативный взгляды // Филология. – 2014. – №3. – С.9-15
72. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. – М.: Изд. «Русский язык» - 2001. – 288 с.
73. Яковлева Е.С. Жизнь в терминах времени: эпоха, век, дни, времена // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 825 - 835.
74. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. - М.: Гнозис, 1994. - 343 с.
75. Ярцева В.Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание [Электронный сайт] URL: <https://bookree.org/reader?file=471041&pg=538>
76. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный сайт] URL: <http://tapemark.narod.ru/les/>

77. Grzegorzczkowska R. Wprowadzenie do semantyki językowej. – Warszawa: PWN, 2001. – 184 s.